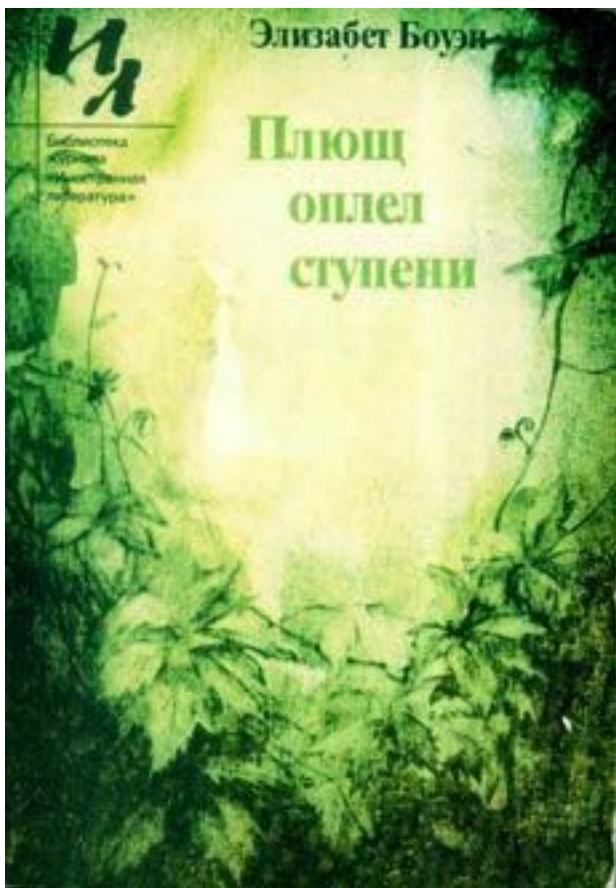

ИЯ

Библиотека
журнала
«Мисль і діалог»
література»

Елизабет Боуэн

**Плющ
оплел
ступени**

Элизабет Боуэн

Туфли: международный инцидент

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161890

Элизабет Боуэн «Плющ оплел ступени». Библиотека журнала «Иностранная литература»: Известия; Москва; 1984

Аннотация

В эту книгу включены рассказы английской писательницы Элизабет Боуэн, написанные в разные периоды ее творчества. Боуэн – тонкий, вдумчивый мастер, она владеет искусством язвительной иронии, направленной на человеческие и социальные пороки

Содержание

Элизабет Боуэн

Туфли: международный инцидент

В комнате царил утренний кавардак. Чтобы застекленная дверь стояла нараспашку, ее подперли креслом, заваленным одеждой, портьеру подвязали чулком миссис Эхерн. Она содрала с кровати белье, не полагаясь на небрежных гостиничных горничных, и два огромных свитка с постелями вздымались над комнатой, как причудливые гребни волн. Супруги кончили завтрак, кофейный поднос, притулившийся с краю стола среди щеток, воротничков и карт, был усыпан окурками, залитыми кофе кусочками сахара и крошками. Мистер Эхерн съедал только поджаристую корочку булок, мякиш он неряшливо выковыривал пальцем.

За окном бледный утренний свет, такой же нереальный, каким кажется яркое июльское солнце, когда вспомнишь его посреди рождества, расцвел крона садовых деревьев и белесые черепичные крыши, а зеленые стеклянные шары, укрепленные на ограде, отполировал до того, что так и подмывало влезть на ограду их потрогать.

Миссис Эхерн в халате слонялась по комнате, попыхивая сигаретой, – чем не француженка, и притом из самых что ни на есть эмансипированных. Ее муж, пригнувшись к зеркалу,

старательно проводил пробор в волосах. Как хорошо, когда можно жить в свое удовольствие! Ее ночная рубашка, только что из французской прачечной, ласкала кожу.

– И все же оторвись наконец от зеркала, – сказала она. – Можно подумать, только тебе надо причесаться.

– Ты и так хороша, – сказал мистер Эхерн, благосклонно разглядывая себя в зеркале.

Она в этом и не сомневалась. Она и впрямь была очень мила: загорелая, цветущая блондинка. Она сказала:

– Не хочу, чтобы думали, будто все англичанки халды.

– Да ничего подобного никто и не думает. Я вчера видел, как две француженки смотрели тебе вслед, когда ты выходила из ресторана.

– Ей-ей? Нет, ты смеешься!

Мистер Эхерн в одной рубашке – будто сошел с какой-нибудь удачной рекламы бритвенного крема – нырнул в коридор за туфлями. Вернувшись, он поставил их на пол и с улыбкой оглядел... Две пары туфель, поджидавших его каждое утро, казалось, торжественно возвещают миру, что они муж и жена.

– Славная парочка, – сказал Эдуард Эхерн.

Дилли не сразу посмотрела на туфли: завладев зеркалом, она запудривала пятно загара на шее. Когда же она наконец оторвалась от зеркала, у нее невольно вырвалось:

– Это еще что такое? Чьи это?

Женские туфельки, нетвердо стоящие на высоких каблук-

ках, робко и нежно льнули к тяжелым башмакам Эдуарда. Туфельки бежевой лайки, очень чистенькие внутри (очевидно, еще ненадеванные), низко вырезанные, на тонких красных каблучках, с алым тиснением по перепонке и носку, крохотные (33-го, от силы 34-го размера), пригодные только, чтобы семенить в них, волнуя взоры.

– Это не мои, – зловеще повторила миссис Эхерн.

Эдуард оторопело поглядел на туфли. Лицо его окаменело: он понимал, что к нему приглядываются с недоверием.

– Да я не...

– А я вовсе не думаю, что ты... – взвилась Дилли. – Нет, какая мерзость! Как они только могли подумать, что...

– Они ничего такого и думать не думали, просто перепутали комнаты...

– Тебе хорошо: твои-то башмаки на месте.

– Интересно, – игриво сказал Эдуард, – с кем коротали ночь твои?

Дилли не откликнулась на его шутку – отнюдь не как француженка. Она швырнула сигарету в окно: ей так и так становилось не по себе, если она выкуривала больше одной сигареты после завтрака.

Дилли была девушка умная, современная, за Эдуарда она вышла два года назад. С тех пор они почти все время путешествовали. Она осталась верна тем зарокам, которые дала себе в медовый месяц: широко смотреть на вещи, не уподобляться типичным женушкам. Она не сетовала на слишком

жирную кухню, на то, что к завтраку не подают яиц, а пудингов и вовсе не готовят; когда французы пожирали ее глазами, она отворачивалась, но Эдуарду не жаловалась. Она старалась разделять восторги Эдуарда, когда официанты в кафе приносили ей «La Vie Parisienne»¹.

– Не всякой англичанке принесут эту газету! – ликовал Эдуард; однако Дилли недоумевала, почему ее не приносят француженкам. Она расхаживала по Франции в прочных полуботинках, а если ноги в них и казались несколько великоватыми, она этим пренебрегала. Обычно она носила туфли 38-го размера, лучше же всего она чувствовала себя в 39-м.

Недостойно ее – так раздражаться из-за этих пошлых туфель, и она покладисто сказала:

– Хорошо, найди мои, а эти оставишь там, где обнаружишь мои.

– Но все туфли уже разобрали. Остались только наши. Нет, какой недотепа! Она фыркнула.

– Раз так, дай их сюда.

В душном коридоре двери шли одна за другой, чуть не впритык. Дилли, вне себя от злости, размахивая туфлями, мерила шагами коридор. В дверях ей чудилась издевка. Она посмотрела на соседние номера: в 19-м щелкнул замок, из двери высунулся мужчина без воротничка, ожег Дилли пыльным взглядом, но тут же помотал головой и разочарованно захлопнул дверь. Теперь-то она не сомневается, что эти кош-

¹ «Парижская жизнь» (франц.).

марные туфли его жены или, во всяком случае (надо смотреть правде в глаза), дамы, которая сейчас с ним в номере. Не истолкуй он ее так, она бы постучалась и вручила им туфли. Тут Дилли подскочила: за ее спиной открылась дверь одиннадцатого, и оттуда выплыла дама в красном крепдешине, обдав ее облаком гераниевой пудры.

– *Ceux sont a vous, peut-atre?*² – сказала Дилли, протягивая ей туфли и от неуверенности опустив «мадам». Дама бросила ей на ходу: «*Merci!*»³ – и надменно прошествовала мимо пронзив Дилли леденящим взглядом. А ведь ее собственные туфли были ничуть не лучше и уж, во всяком случае, куда грязнее. Дилли решила отойти на оборонные позиции и вернулась в свой номер.

– Пожалуй, лучше позвонить, – сказала она в сердцах.

В случае неполадок в этих милых гостиничках хуже всего то, что *sommelier*⁴ выполняет еще и обязанности официанта, и от 10 до 11 он исчезает, перепоручив верхние этажи заботам *femme de chambre*⁵, особы весьма услужливой, но до крайности бестолковой. Горничная как будто сочувствовала мадам, но помочь ничем не могла. Она заманчиво поболтала мерзкими туфлешками, охарактеризовала их как «*de jolie*

² Эти случаи не ваши? (*франц.*).

³ Спасибо (*франц.*).

⁴ эконоом (*франц.*).

⁵ горничной (*франц.*).

chaussures... mignonnes»⁶.

– Je ne pourrais pas même les porter. Aussi, je les dîteste. Enlevez-les⁷.

Горничная томно воззрилась на Эдуарда.

– Enlevez-les! Et allez demandez les chaussures de Madame⁸, – непреклонно сказал Эдуард.

– C'est ça!⁹ – поддакнула горничная, будто ее только что осенило. Ушла и словно в воду канула.

Минула половина одиннадцатого.

– У нас сегодня было запланировано до ленча посмотреть jube¹⁰, а если пойти туда сейчас, мы раньше часу не вернемся. К этому времени все hors-d'oeuvres¹¹ разберут, и нам достанутся только эти мерзкие колбаски. Ну и обжоры эти французы. Мне этот отель с самого начала не внушал доверия. Я тебе сразу так и сказала.

– Но как же, детка...

– Ладно, вчерашний вечер не в счет, я выпила вишневого ликера, и к тому же светила луна.

В конце концов они вышли на палящий зной. Дилли, про-

⁶ экие милашки! (*франц.*).

⁷ И тем не менее я в них не влезу. Кроме того, мне они не нравятся. Унесите их (*франц.*).

⁸ Унесите их. И справьтесь, где туфли мадам (*франц.*).

⁹ Как же, как же! (*франц.*).

¹⁰ амвон (*франц.*).

¹¹ закуски (*франц.*).

тив своей воли элегантная в туфлях из змеиной кожи, которые она приберегала, чтобы поразить знакомых американцев в Каркасонне, ковыляла по *rave*¹². Эдуард нахлобучил панаму на глаза и подавленно повесил голову. Бедная Дилли, и впрямь экая незадача! Не глядя по сторонам, они прошли через рынок; Эдуард предложил Дилли купить персиков.

– Сам подумай, – сказала она презрительно, – ну кто ест персики в соборе?

– А... Значит, мы все-таки идем в собор? – почтительно осведомился Эдуард.

– Что ж нам теперь – ухлопать попусту все утро? По крайней мере, – сказала она мстительно, – мы хотя бы приступим к *jube*.

Когда они свернули на *рю де Де Круа*, перед собором, особенно рельефным под ярким солнцем, почтительно сдернул шляпу тот самый человек со странным выражением лица, что всегда ходил без воротничка, правда, сегодня он как раз надел очень низкий, тугой воротничок, на который ниспадала толстая шея. На Дилли была местная шляпка тонкой, мягкой, персикового цвета соломки, Эдуард все пытался заглянуть под ее опущенные поля. Но Дилли молчала, и он так и не решился заговорить.

Громада собора вздымалась над ними, они потрясенно, не веря глазам своим, озирали его фасад. И, забыв друг о друге, молча ступили под сумрачные холодные готические своды.

¹² мостовой (*франц.*).

Через полчаса восторгов у Эдуарда заломило затылок, и он сказал, что хотел бы пойти выпить. Дилли – она зашпилила поля шляпы назад – посмотрела сквозь него нездешним взором. Что с мужчин возьмешь, подумала она.

– Я лучше посижу здесь, – сказала она. – Эдуард!

– Что, детка?

– Неужели у нас такая низменная душа? Я просто не понимаю, как можно было расстраиваться из-за каких-то туфель?

Он этого тоже не понимал.

– Ты точно не хотела бы выпить? – благоговейно осведомился он. Однако его слова, казалось, не доходили до нее и он пошел в кафе один. Он предался размышлениям о том насколько женщины духовно выше. Но не успели ему принести выпивку, как Дилли, прихрамывая, пересекла площадь. Она сочла, что ей, пожалуй, следует подкрепиться.

– Понимаешь, ноги очень болят. Не могу... воспринимать. А все из-за высоких каблучков, в них невозможно ходить по городу.

Он заказал еще один коктейль и сельтерскую.

– Это еще что, а представь, что тебе пришлось бы ходить, скажем, в тех мерзких туфлешках.

– Подумай только, Эдуард, – всегда ходить в такой мерзости! Какое же у них, должно быть, представление о женщинах!

– Подумать только! – горячо вторил ей Эдуард, озираясь в поисках официанта. Он коснулся было руки жены и сорат-

ницы, но она, решительно настроенная на интеллектуальный лад, отдернула руку. Видно было, что ей не удастся затеять спор. Принесли коктейли, Эдуард устался в свой бокал.

– Странная штука – жизнь, – сказал он, выгадывая время.

– Странная, – согласилась Дилли. – А ведь они были премиленькие, – сказала она, скосив глаз на Эдуарда.

– Мне тоже показалось... – опрометчиво подхватил Эдуард.

– Так я и знала! Тогда зачем же ты кривил душой? Эдуард, неужели я не заслуживаю лучшего? Почему ты так неоткровенен со мной? Уже по одному тому, как ты глядел на них, мне все сразу стало ясно. Я тебя вижу насквозь. Нет, почему ты со мной так неоткровенен?

– Если ты и так видишь меня насквозь, что толку быть с тобой откровенным?

– Похоже, мужчины просто не способны уважать женщин. Французы, те, по крайней мере, откровеннее. На самом же деле всем вам нужно одно...

– Детка, я бы попросил тебя не делать таких обобщений, ну зачем говорить «всем вам».

Дилли так и не притронулась к своему коктейлю, и Эдуард был вынужден отставить бокал.

– Иногда я сомневаюсь, такой ли ты на самом деле современный.

– Детка...

– Не смей называть меня деткой. Это звучит так, словно

ты снисходишь до разговора со мной. Неужели ты думаешь, я бы поехала с тобой в такую даль, жила бы в отрыве от всех моих Друзей в этом душном, нелепом отеле, где еще и на руку нечисты, ела бы эту гнусную еду, будь я рядовой женушкой?

– Так я и знал: на самом деле тебе хотелось поехать на взморье с Фипсами.

Этого Дилли спустить не могла:

– Если б я хотела поехать с Фипсами, я бы так и сделала. Ты же знаешь, мы предоставляем друг другу свободу.

– Знаю, знаю. По-моему, мы с тобой всегда имеем в виду одно и то же, только то я, то ты неудачно выражаем свою мысль. Я-то считал, что тебе по вкусу здешняя еда. Ты же сама соглашалась, что за границей никогда не знаешь, что тебе преподнесут на обед, и от этого утро проходит куда интереснее.

– Мы живем совсем без витаминов. Салаты безбожно заливают оливковым маслом. Впрочем, – сказала Дилли, – хватит, как можно вести такие разговоры по соседству с собором? – она была очень переборчива: не хотела ни ссориться, ни любить где попало. С подчеркнутым дружелюбием улыбнувшись Эдуарду, она пригубила коктейль.

За ленчем, когда они покончили с закусками, Эдуард справился у официанта, который, по его наблюдениям, пользовался наибольшим весом в гостинице, о Диллиных туфлях. Официант был озадачен, заинтригован и признал, что,

несомненно, произошло недоразумение. В высшей степени странно.

– C'est ennuyant pour Madame¹³, – наступал Эдуард.

Дилли сказала вполголоса:

– Что ты мямлишь, говори решительней.

Эдуард досадливо посмотрел на нее.

– Tres ennuyant¹⁴, – сказал он, сопровождая свои слова такой поистине галльской жестикуляцией, что Дилли загорела от него бутылку. Официант ошарашенно взирал на Эдуарда, будто впервые видел, чтобы иностранцы так размахивали руками. Он наведет справки, он уверен, какая-то дама, несомненно тоже по недоразумению, забрала чужие туфли, ошиблась. А сам тем временем спокойно, невозмутимо убирал закуски.

– Quelque dame никак не могла ошибиться, – взвилась Дилли. – Кто-то в этом отеле явно нечист на руку.

– Кстати, – сказал Эдуард, – это весьма знаменательно. Я слышал, среди французской элиты сейчас много англоманов. Твои полуботинки наверняка вернут, а может быть, уже и вернули: скорее всего, какой-то даме захотелось снять с них фасон, чтобы заказать себе такие же. – Любая теория, нашедшая себе логическое подтверждение, заставляла Эдуарда радоваться, чуть ли не ликовать. – Вот именно, ей захотелось заказать себе такие же.

¹³ Мадам недовольна (*франц.*).

¹⁴ Очень недовольна (*франц.*).

– Ты правда так думаешь? Ты думаешь, что туфли взяла одна из тех дам, которые оборачивались мне вслед, когда я вчера выходила из ресторана?

Эдуард сказал, что ничуть не удивился бы, если бы так оно и оказалось.

– А-а... В таком случае, надеюсь, что мы обошлись с ними не слишком сурово. Не хочется, чтобы они думали, будто мне было жалко туфель. Правда, замечательно, что мы задаем тут тон. Знаешь, я уверена, если бы французские дамы ввели в обиход полуботинки, латинский подход к женщине переменился бы в корне. Я вижу, Эдуард, вместо того чтобы слушать меня, ты исподтишка заглядываешь в меню. Если тебе так не терпится его прочесть, читай; но если ты жаден до еды, будь откровенен, имей смелость не скрывать этого.

– Я только хотел посмотреть, что нам принесут... Детка, ты же знаешь, что твой муж весь открыт для тебя, он только тем и живет!... Кстати, сегодня в меню волованы, ты ведь их любишь? Да, да, пожалуйста, продолжай, что ты говорила о латинском подходе к...

Они обедали почти что на воздухе, под навесом, закрывавшим часть сада. Под их ногами по гравию то и дело сновали ящерицы. Чуть поодаль тень от навеса обрывалась резко, будто ее обрезали ножом, гравий блестел на солнце, пальмы томно клонились друг к другу, вьюны пламенным потоком заливали стену, вереница молодых апельсиновых деревьев в ярких глазурированных вазах горделиво возвышалась на балю-

страде. Чуть покачивающиеся в неподвижном знойном воздухе – вот-вот рухнут – зеленые стеклянные шары приковывали к себе взгляды. В конце сада времянки – кажется, дунь на них, и рассыплются – своей густой, неистойвой желтизной напоминали о Ван Гоге. Длинная кошка скользила от вазы к вазе, в противоестественной неге лапясь к своему отражению.

Дилли вполглаза смотрела на все это.

– Тебе здесь нравится? – заискивающе спросил Эдуард.

– Все бы ничего, только слишком уж жарко – я плохо переносу жару после обеда. И еще глаза слепит. На что ни посмотри, у всего... всего свой двойник.

– Как ты это тонко подметила. Тебе бы, Дилли, надо писать.

Дилли любила, когда ей говорили, что ей бы надо писать; она не без самодовольства отвечала, что у нее бедная фантазия.

– Потом, во мне слишком развито критическое начало. Как жаль, что я совершенно не поддаюсь влияниям.

– Да, и мне тоже жаль!

– А тебе-то почему жаль? Ты как раз очень даже поддаешься, – поставила его на место Дилли. Расправившись таким образом с Эдуардом, она смахнула крошки, поудобнее уперлась локтями в стол и взялась объяснять Эдуарду, почему он так легко подпадает под чужое влияние. Они попросили принести им сюда кофе с ликером и говорили взхлеб

до тех пор, пока последний из обедающих не удалился, смерив их на прощанье удивленным взглядом. Оба чувствовали, что во Франции аналитическое чутье работает у них как никогда, ну и вино тоже, конечно, играет свою роль, помогает ярче выявить индивидуальность. Они обсуждали Эдуарда и Дилли, отношение Дилли к Эдуарду и Эдуарда к Дилли, отношение Эдуарда и Дилли к Диллиным полуботинкам и Диллиных полуботинок к латинскому подходу. Обсуждали они и вопросы пола. Глаза их сияли навстречу друг другу – Официант все крутился поблизости, смахивая крошки с пустых столов, они видели его, как и деревья, словно в тумане, им и в голову не приходило, что они его задерживают. Уронив полыхающие лица на сплетенные руки, подернутыми поволокой глазами они смотрели сквозь официанта.

Когда официант, наконец, пробился к их сознанию, они с трудом очнулись. Туфли, он счастлив им это сообщить, наконец нашлись. Одна дама, увидав их за дверью, приняла за свои и унесла к себе. Но теперь она возвратила их в номер 20-й, и туфли мадам ждут ее наверху.

– Вот видишь! – победоносно вскричала Дилли, поднялась и, осторожно выбирая дорогу между столиками, вышла из сада. Ей вдруг почудилось, и это было неожиданно приятно, что она растет, разрастается и вот она уже повсюду – на столах, в винных бутылках, в официанте, – повсюду черпает мудрость. Всякий опыт ей что-то дает, каждый занимает свое место в ее жизни. Ничего не видя со света, она стала

пробираться по коридору на ощупь, напевая на ходу.

В их комнате стало еще темнее, ставни были закрыты. Дилли скинула с оплывших ног лодочки, рванула ставни – вместе с потоком горячего воздуха в комнату ворвался свет, – повернулась и поискала взглядом туфли.

Отражаясь в зеркале навощенного паркета, как пара лебедей, стояли мерзкие туфлешки. Каблучком к каблучку, покачивая алыми перепонками, они источали половую истому. И это *les chaussures de Madame*¹⁵, нет, кто смел подумать, что это туфли Дилли Эхерн, прямодушной, равноправной подружки Эдуарда? – Черт бы вас всех подрал! – вскричала Дилли. Подняла туфли (ей никогда потом не удавалось объяснить, что на нее нашло) и одну за другой швырнула из окна, тщательно целя наметченную точку неба. Одна туфелька свалилась на ресторанный крышу и рикошетом отлетела вниз. Дилли свирепо усмехнулась им вслед, но тут же, ужаснувшись, зарылась лицом в портьеру. Хлынули слезы, они застигли ее врасплох, как грозовой ливень.

Вспышки гнева, которым она была подвержена, очень занимали их с Эдуардом и даже были своего рода предметом гордости. Пусть это и анахронизм, зато анахронизм очень своеобразный. Но иногда гнев накатывал неожиданно-негаданно, и тогда он пугал и потрясал ее.

– Ой! Ой! – причитала Дилли, ее сотрясала дрожь.

Портьера разодралась.

¹⁵ туфли мадам (*франц.*).

Услышав, как туфелька грохнулась о навес, Эдуард бросился в сад, кинул взгляд вниз – на валявшуюся на земле туфельку, вверх – на окно. За окном, в сумраке комнаты, виднелась Дилли – она прятала лицо в портьеру.

– Э... э... тут туфля упала?

Дилли вся замоталась в портьеру.

– Мне... мне подняться? – спросил он, верный долгу.

Дилли размотала портьеру и для вящего эффекта перегнулась через подоконник:

– Можешь им сказать, что другая туфля на пальме, – лучше там, чем в моей комнате. Скажи им, что это неслыханная наглость с их стороны и что мы сегодня же съедем, – и захлопнула ставню.

– Право слово, чем не французский скандал! – не мог не признать Эдуард.

Кое-где приотворились ставни, он ощущал на себе сочувственные взгляды. Эдуард метнулся к подножью пальмы, куда туфля могла скорее всего попасть, и, как и следовало ожидать, там меж двух веток уютно угнездилась крохотная сирена. Тряхануть пальму разок, и туфелька свалится, решил Эдуард; но он потрянул пальму и раз, и два, и три – безрезультатно. Он обошел дерево, обозрел его со всех сторон, кидал в туфлю камешками, туфелька едва покачивалась, но не падала. Он разглядел ее непредубежденно... а что, премилая туфелька.

Не исключено, что это туфелька той малютки с газельими

глазами в плиссированном зеленом органди... К зеленому органди такие туфельки в самый раз! Алые перепонки под стать алой шляпке, из-под которой так таинственно и трогательно мерцают газельи глаза. Он попробовал было подцепить туфельку бамбуковой палкой, но палка оказалась коротка; в голове у него все крутилась мысль, что думает о нем эта малютка, если она сейчас его видит. Он мог бы вскарабкаться на дерево, но уж больно глупо это выглядит, да вдобавок еще и брюки порвешь. Вот если б малютка вышла в сад, он бы ей сказал...

Он надеялся, что Дилли не призовет его к себе. Стоило Дилли заплакаться, и она в своем гневе не знала удержу. Небо гипнотически сверкало сквозь пальмовые ветви; поглаживая одну туфельку и поглядывая на другую, Эдуард мечтал.

Дилли сидела на кровати в удушливом сумраке, обдумывая что ей теперь предпринять. Надо бы вытащить чемоданы и начать укладываться, думала Дилли; она не может уронить себя в глазах Эдуарда, не может допустить, чтобы он считал, будто она бросает слова на ветер. Дилли вздохнула; она твердо надеялась, что стоит ей начать укладываться, как Эдуард примчится и удержит ее.

– У меня нет личной обиды, – повторяла она. – Просто я не терплю наглого разгильдяйства. Извини, Эдуард, но так уж я устроена. – Она чувствовала, что, если она не выскажется сгоряча, ее слова сильно потеряют в убедительности; она

глянула в щелку между ставнями – Эдуард как дурак торчал под пальмой, а она его звать не станет, ну нет. Дилли нехотя свернула два джемпера. Уму непостижимо, до чего ж ненадежный народ эти мужчины; у тебя трудная минута, тут бы и прийти на помощь, так нет, торчат как дураки под пальмами, растопырив ноги. Она повыкидывала из чемодана оберточную бумагу, пытаясь вспомнить, как будет по-французски «разгильдяйство».

В дверь постучали. Дилли на миг замерла, лишь губы ее шевелились. Она напудрилась: нос ее все еще пылал от гнева и оттого казался больше обычного, затем сердитым рывком распахнула дверь. В коридоре с ее полуботинками в руках стоял продувной мальчишка в куртке, по имени Анатоль.

– *Via les chaussures de Monsieur*¹⁶, – сказал Анатоль и проворно опустил полуботинки на пол.

А его послали, объяснил он, за туфлями, которые взяла этим утром мадам, хотя туфли эти вовсе не ее, а другой дамы, – и та их обыскалась.

Он пронзил Дилли суровым взглядом.

– *Comment?*¹⁷ – пролепетала Дилли.

Анатоль корректно передернул плечами.

– *Mais voila les chaussures de Monsieur*¹⁸, – повторил он, зазывно протягивая Дилли полуботинки.

¹⁶ Вот башмаки месье (*франц.*).

¹⁷ То есть как? (*франц.*).

¹⁸ А вот башмаки месье (*франц.*).

– ... de Monsieur?¹⁹ – Дилли почувствовала, что должна тотчас же, немедля закатить сцену. Уж теперь-то она им задаст. – *Seux ne sont pas...*²⁰ – начала Дилли. Залилась краской и запнулась. Стоит ли тратить порох на Анатоля – мальчишка едва из пеленок, а уже такой проныра, такой негодник? Она опустила глаза: ее любимые полуботинки тяжело, косолапо попирали паркет. Прочные, надежные... «*Les chaussures de Monsieur...*» – *Allez-vous-en!*²¹ – рывкнула Дилли и захлопнула дверь.

Через десять минут Дилли, в лихо надвинутой шляпке и полуботинках, радостно топала взад-вперед по паркету, готовая начать день сначала. Она не хотела терять впустую ни часу. Надо дать понять Эдуарду, что она готова его простить. Она чуть раздвинула ставни и выглянула: ее взгляд приковала странная группа.

По саду шествовал Эдуард, за ним плелись официант – он нес один конец лестницы, и Анатоля, который нес другой. Девушка в зеленых оборках бурно возмущалась, в чем ее всячески поддерживали двое мужчин – один в шляпе, другой в кепке. Именно такая хозяйка и должна быть у этих мерзких туфлешек, с торжеством заключила Дилли. Лицо Эдуарда пылало, положение у него, что и говорить, было незавидное, но она не позволит себе расчувствоваться. Официант

¹⁹ Месье? (*франц.*).

²⁰ Это не... (*франц.*).

²¹ Вон отсюда! (*франц.*)

прислонил лестницу к пальме и после долгих словопрений полез вверх; Анатолий придерживал лестницу, Эдуард давал указания.

– Je ne sais pas comment c'est arrive, – приговаривал Эдуард. – A gauche, un peu plus a gauche. La – secouez-le... Je ne sais pas comment c'est arrivй. Ca a l'air, n'est ce pas, d'etre tombй. Oui, c'est tombe, sans doute.²²

Дилли неприятно было слушать, что плетет Эдуард. По-краснев до ушей, она отвернулась от окна, даже ставни за-творила, чтобы от всего этого отгородиться. Дилли металась по комнате, стащила шляпку и вдруг остановилась как вкопанная перед зеркалом. Из полутьмы на нее смотрели страдальческие, запавшие глаза; вид у нее был потрясенный. Она попыталась представить себе Эдуардову Дилли: мысли ее бежали по кругу, пока среди этой круговерти ей вдруг не начало казаться, что тут и представлять-то нечего. Она вспомнила, как чета Эхернов не далее как сегодня блаженствовала, сидя vis-a-vis²³ за ресторанным столиком и предаваясь взаимному анализу, и позавидовала им так, как завидуют посторонним. Какие уверенные в себе, какие по-хорошему самонадеянные!

Воспоминания подвигли ее – она натянула шляпу, схва-

²² Уму непостижимо, как это получилось... Левей, еще чуть левей! Вот там... потрясите!... Уму непостижимо, как это получилось. Похоже, что они упали, правда? Да, несомненно, они упали (*франц.*).

²³ друг против друга (*франц.*).

тила палку и кинулась к двери, но тут, неожиданно стухнув, повернула назад да так и осталась стоять – ожидая неизвестно чего и кого. Дорожный будильник громко, назойливо тикал.

Наконец Эдуард поднялся наверх. Он отбил на филенке дробь и вошел, покаянно улыбаясь. Вид у него был все еще разгоряченный.

– Ну! – сказала Дилли.

– Всех усмирил! Правда, чем не французский фарс, только что приличный! Видела нас?

– Мельком. Видела эту кошмарную крутобедрую девицу. Нет, скажи, ну не стервы ли эти француженки?

– Да что ты, напротив, она держалась молодцом. Стоило ей заполучить свою туфлю обратно, как она мигом смягчилась и увидела все в смешном свете. В конце концов, Дилли, о вкусах не спорят, но своими туфлями все дорожат. Да и эти ее кавалеры мне тоже понравились; поначалу они, естественно, на меня накинулись: когда дело идет о собственности, французы шутить не любят, но расстались мы по-хорошему. Знаешь, мне кажется...

– А они догадались?

С минуту они глядели друг на друга, ощущая взаимную неловкость.

Эдуард заморгал.

– Не знаю, я их не спрашивал. Конечно же, выяснилось, что туфли занесли в наш номер...

– Послушай, – небрежно прервала его Дилли. – Она наверняка тебе сказала, что ты похож на принца Уэльского. И так оно и есть – особенно в этом костюме.

– Правда? Вот здорово!

Дилли взяла себя в руки. Экий он все-таки жалкий! Будь она заурядной «женушкой», она бы кинулась к нему на грудь, обхватила бы его красивую шею и затрепетала:

– Эдуард, я вела себя так гадко, так глупо...

Дилли была рада, что никогда так не опустится: это бы уронило ее в глазах Эдуарда. Перевести все в эмоциональный план и тем и кончить, ничего не проанализировав, не обсудив, было бы недостойно их.

– Просто поразительно, – перешла она в наступление, – что от этих людей можно чего-то добиться, только если выйти из себя... А уж если истерику закатить... Ты со мной согласен? – наседала она.

Эдуард прошел к умывальнику, громыхнул краном. Окатил лицо водой. Прополоскал рот и сплюнул.

– Что ты думаешь, Эдуард, нет, правда?

– Я не в состоянии думать – совсем запарился.

– Эдуард, ты же не думаешь, что я... Но ведь...

– Ты идешь? – сказал Эдуард и поискал глазами свою шляпу.

Дилли чувствовала себя так, будто ее выпотрошили. Что, интересно, думает Эдуард? Да как он смеет!

– Эдуард, поцелуй меня... Ты веришь в меня? Эдуард, по-

целуй же меня!

Эдуард, казалось, был целиком поглощен поисками шляпы. А вдруг их браку конец?

Но тут Эдуард растерянно приложился к ней губами, в полумраке комнаты поцелуй продлился уже не без пыли.

– Бедняжка моя!

– Знаешь, а я ведь их и правда выкинула в окно.

– Ты слишком близко принимаешь все к сердцу, детка.

– Но ты же понимаешь, что я правильно поступила? – озабоченно спросила Дилли.

Эдуард задумался, было слышно, как он сопит.

– При таких обстоятельствах ты, конечно, поступила правильно.

– Тебе не было стыдно за меня? – Дилли не отпускала его рукава, пока он не ответил.

– Я понимаю, чего тебе это стоило.

– Просто я не терплю наглого разгильдяйства, – сказала она.

– Ты не могла поступить иначе... Хочешь, пойдем выпьем чего-нибудь прохладительного, а потом посмотрим сбор? *Biere blonde*²⁴ или чего-нибудь еще... Ты идешь?

– Да, если тебе так не терпится, – сказала она. И с беспредельной снисходительностью, беспредельной нежностью взяла его под руку.

Мистер и миссис Эхерн – не стесняющие свободы друг

²⁴ Светлого пива (*франц.*).

друга, совершенно открытые друг для друга – протопали по коридору, нарушив послеобеденный сон доброго десятка номеров. Громогласно рассуждая о латинском складе ума, они, зажмурясь, охнув, вышли на слепящее солнце.